

Адреса ВОЙНЫ

Инны Янкелевич

Когда началась война, мне было 10 лет. Мы жили в Полтаве. Помню, мама и папа ушли в библиотеку, а я, закрыв за ними дверь, включила радио и услышала, что началась война. Я побежала во двор и сообщила об этом играющим там девочкам. Уже в первые дни войны у меня разболелись зубы. Почему-то во время воздушных тревог боль проходила. Очевидно, от страха.

Запомнился такой эпизод. Мы с мамой были дома. Вдруг – страшный звук, словно что-то упало:

– Наверное, бомба, – говорю я.

– Да нет, – с сомнением глядя в окно, произнесла мама.

И вдруг мимо нас, на одном уровне с нашим вторым этажом пронесся вражеский самолет. Когда я кому-либо об этом рассказываю, мне не очень-то верят. Но это было: я увидела глаза летчика. Несмотря на то, что он был в больших очках, я на всю жизнь запомнила его глаза – неприятные, рысьи.

Город бомбили. Снаряды попадали то в один двор, то в другой. Мы стали готовиться к эвакуации. Собирали вещи первой необходимости, а из того, что взяли с собой, довели половину: в дороге пропал чемодан, еще какая-то упаковка: когда во время бомбежек мы выходили из поезда, потом обнаруживали, что кто-то рылся в наших вещах. И все же поезд, на который мы попали, оказался счастливым – нас не разбомбили. Вообще, моя мама родилась под счастливой звездой: в какие бы ситуации и передряги ни ставила ее жизнь, она выживала.

Поезд довез нас до Пугачева, откуда мы добрались до Хвалынска, а потом – Волгой – до Вольска. Никаких удобных кают не было, палубы были забиты людьми.

ВОЛЬСК

Папа пошел устраиваться в институт, а мы с мамой остались на пристани. Рядом с нами сидела молодая женщина с мальчиком лет пяти. Мама разговорилась с ней. Женщина удивилась тому, что мы решили остановиться в Вольске, ведь наши войска отступают довольно быстро, поэтому сама она едет дальше.

Когда папа вернулся, родители стали размышлять, стоит ли нам оставаться в Вольске или ехать дальше в Среднюю Азию – еще до войны папу приглашали туда читать курс лекций и даже предлагали приличную зарплату. Телеграмма с приглашением могла быть своеобразным пропуском.

Вольск на старых фото

Мы долго стояли на пристани. Родители никак не могли принять решение, и тогда папа сказал: «Как ребенок решит, так и поступим». Мама пояснила мне, что путь в Среднюю Азию очень долгий. Я очень устала от дороги и сказала, что хочу поскорее оказаться в теплой постели. Решение было принято. Позднее оказалось, что оно было правильным. Если бы мы выбрали Среднюю Азию, вряд ли бы выжили: там скопилось огром-

Вольск довоенный

ное число эвакуированных. В Вольске тоже были эвакуированные, но гораздо меньше, чем в Средней Азии.

Мы направились по указанному адресу. Дом, в котором нам предстояло жить, был одноэтажным, из красного кирпича. Парадная дверь со звонком. Позднее этот звонок причинял нам неудобства, потому что им баловались уличные мальчишки. Квартира состояла из трех расположенных анфиладой комнат. В двух комнатах жили сестры-учительницы. Рано утром они разбудили нас и предложили свои кастрюльки, тарелки, ложки, которые мы с благодарностью приняли.

Начав обустриваться, мама в первую очередь решила отремонтировать печь. Когда-то в молодости она не раз наблюдала, как профессионалы клали печи, и решила применить это знание на деле. Пригласила печника и стала объяснять, как делать. Печник был изумлен, но воспользовался ее советами. После такого ремонта печь потребляла не много дров, а в квартире было всегда тепло.

По первому вольскому адресу мы прожили два с половиной года. Папу

названия завучем, и мы переехали в отдельную ведомственную квартиру. Почему высокие потолки, высокую печь-голландку.

В первое время в Вольске было жарко с продуктами, но это оказалось временное явление. Просто после выселения поволжских немцев осталось много скота, и мясо попало на рынок. Но через несколько месяцев Вольск, как и другие города страны, был вынужден перейти на карточную систему.

Вначале давали по 400 граммов хлеба, потом по 300, дошло до 125 граммов.

Питание стало скудным, все чаще мама меняла привезенные из Полтавы вещи на продукты. Мама опеката от голода.

Иногда нам помогала папина коллега по Полтавскому пединституту, которая, как и мы, оказалась в эвакуации в Вольске. Ее брат был заместителем начальника летной школы. Там снабжение было лучше, и она приносила нам продукты или приглашала меня на утренники, которые организовывались для детей сотрудников летной школы.

А ученые голодали и умирали. В апреле 1942 года было принято решение о дополнительном пайке для научных работников. Из разговоров можно было узнать, что он был на уровне наркомовских пайков того времени: сыр, сахар, сливочное масло и даже мясо, хвосты и кости.

Весной институт выделил сотрудникам землю под участки в Суземском овраге. Добираться было далеко и тяжело. И все-таки это была своя земля, а мама, как оказалось, владела навыками огородничества. Помню огромный урожай огурцов, помидоров, моркови – всего мы в то лето наелись досыта.

В Полтаве я перенесла туберкулез, и родители перевели меня на домашнее обучение. В Вольске я пошла сразу в 4-й класс. Почерк у меня был плохой, писала с ошибками, потому что не знала правил.

Не было учебников. За два дня до экзамена в 5 классе родителям удалось достать учебник ботаники, и мне пришлось читать не одну главу, а почти всю книгу сразу. И сейчас перед глазами стоит картина: мама одевает меня в школу, а папа стоит рядом и

читает одну из глав... Почему-то запомнились из того учебника главы об осине, о том, как колеблются на ней листья, и я поняла папину поговорку: дрожит как осиновый лист.

Мне не хватало учебников, а папа нуждался в книгах для работы. В библиотеках при институте и Доме учителя необходимых книг не было. Папа поражался хаотичному набору книг в библиотеке института. Позже он узнал, что институт был создан на основе учительской семинарии, один из первых руководителей института решил, что библиотеке не нужны ни классическая литература, ни старинные издания, и вывез эти книги на свалку. Одно время мама работала в библиотеке ФЗО и приносила мне оттуда книги.

Родители работали вечерами. Радио не всегда включалось, электричество тоже, не было и керосиновой лампы, поэтому читала я при коптилке, которую мне соорудили соседи. Они дали пузырек, в который налили керосин и воткнули веревочку. Горела такая коптилка очень слабо, но все-таки горела.

С тех детских лет Вольск и та коптилка ассоциируются у меня с прочитанными в те годы книгами. Меня буквально потрясли романы Гюго «93-й год», Войнич «Овод», Форш «Одетые камнем». Запомнились книги Сетона-Томпсона о животных, читала о восстании Черниговского полка, о декабристах. Помню, прочла у Пушкина фразу героини, что она слишком юна, чтобы понимать значение происходящего, и подумала о себе с гордостью: а я вот все понимаю.

Как-то мы с папой читали «Мертвые души». Помню, я совсем не думала о голоде, который мы все в то время испытывали. Яркие сатирические сцены обедов в поэме не раздражали – я просто упивалась этим добротным, смачным, удивительным описанием жизни.

Летом 1945 года папа уехал в Сталинград, чтобы в сентябре приступить к работе в Сталинградском пединституте. Мы с мамой ждали, когда папа сможет забрать нас к себе. В сентябре я пошла в женскую школу (во время войны было принято решение о разделении обучения девочек и мальчиков). Мне понравились и учителя, и одноклассницы, учителя говорили нам только «Вы». Но вскоре я заболела воспалением легких (уже в третий раз) и опять не ходила в школу.

Неожиданно маму вызвали в Сталинград, написали, что папа чуть ли не при смерти. Мама уехала, оставив мне тысячу наказов. Сижу, топлю печь, которая не греет (сложенная под маминым руководством печь была в первой квартире), и чувствую, что замерзаю. Стук в дверь: «Замерзла? Ну, еще бы, в ведре вместо воды – кусок льда. А ну пойдём к нам!» Это Тая (Наталья), ей 20 лет, она с родителями живет в соседнем доме. Помню, как бреду за Талей, как меня укладывают в теплую постель, и я проваливаюсь в тягучий болезненный сон...

СТАЛИНГРАД

В декабре 1945-го мы с мамой покинули Вольск. От Саратова ехали поездом. По мере приближения к Сталинграду вдоль железной дороги росло количество танков. Это были подбитые, с развороченными дулами танки. Их подвозили поближе к железной дороге, чтобы потом увезти на переплавку.

Разбитый фонтан в Сталинграде

Я с болью смотрела на город, в котором пошла в первый класс. Узнать его было невозможно.

Но мы испытали не только горечь, но и удивление: в Сталинграде по главным улицам ходили трамваи.

Папе дали комнату в общежитии пединститута на улице Баррикадной. Во время войны оно было разрушено, но теперь его уже восстановили пленные немцы. Один из них подошел к папе и, взяв под козырек, попросил прикурить. Папа потом говорил: «Интересно, как бы он со мной разговаривал, если бы я был пленным».

В комнате были кровать, стол и два стула. А куда вешать вещи? Находчивая мама пригласила мастера,

который смастерил шкаф из разобранных фанерных ящиков. Работы было немного: столяр воздвиг лишь боковую стенку. Образовавшуюся нишу закрыли занавеской, внутри прибили крючки. Пару раз я использовала этот импровизированный шкаф не по назначению. Как-то услышала, что к папе пришел незнакомый мужчина, и юркнула за занавеску. Чаще такие визиты были короткими: обычно к папе заходили студенты-заочники, которые не успели сдать зачет. Вопрос-ответ, и – свободен. Но в этот раз всё было иначе. Папу навестил бывший коллега по довоенному институту. Он воевал и делился увиденным и пережитым на войне. Я услышала такие жуткие подробности о войне, что не спала несколько ночей.

Днем в комнате было спокойно, а по ночам оживали крысы. В послевоенные годы они были полноправными жителями города. Как-то мама получила паек, и его надо было каким-то образом сберечь. Она долго соорудила конструкцию, которая помешала бы крысам воспользоваться нашими продуктами. На спинки кровати была положена доска, к ней привязан пакет с продуктами.

Электричество в городе было, но очень слабое. Из-за плохого напряжения чайник грелся несколько часов, щи варились несколько дней, а блины не жарились, а просто высыхали на сковородке.

Вода была только в подвалах. Как-то я пошла туда с бидоном, и на мое плечо запрыгнула крыса.

Через год мы получили квартиру в финском домике. У нас был отдельный вход, отопление – печное. Топили углем, который хранили в крыльце.

В городе было развернуто так называемое черкасовское движение: жительница Сталинграда Александра Черкасова призвала женщин (мужчины еще воевали) начать восстановление города. Выходили в свободное от основной работы время. Порой в одном кирпиче было до 6–7 выбоин от пуль.

Освобожденный Сталинград. Газета «Правда Москвы»

Школ не хватало. К осени 1946-го в нашем районе не успели построить новую школу, я училась в третью смену.

Мы участвовали в разборе завалов и в посадке деревьев. Бывало, возьмешь лом (лопаты там были не нужны) и начинаешь долбить землю. То, что выдолбишь, приходилось выбрасывать, потому что довольно глубокий слой почвы состоял из земли, глины и осколков металла.

Люди жили в очень тяжелых условиях: многие ютились в подвалах и в землянках. Порой в одной землянке находилось по несколько семей. Страшное явление представляли разрушенные остовы зданий. Но и на полуразрушенных верхних этажах жили люди. Забирались они туда, как циркачи. Моей маме однажды пришлось залезть в одну из таких «квартир». Нам был нужен электрик, и ей сообщили его «адрес». Позвонить – нельзя, кричала-кричала – не услышал. Вот и полезла.

Как-то я зашла к однокласснице, чтобы вернуть учебник. В полуподвале, где она жила, было темно, тесно и почти не было воздуха. Таким было жильё заместителя председателя горсовета.

Однажды папу остановил странный окрик: «Инин папа! Инин папа!» Обернулся – его догнала пожилая женщина. Это была бабушка моей довоенной подруги. Наша дружба с Лидой возобновилась. Во время войны их дом сторел, они жили в каком-то

полуподвале, практически среди немцев. Однажды Лида получила ранение в ягодицу, осколок застрял в миллиметре от позвоночника. Что делать? Мать повела Лиду к немцам. Спросила врача-хирурга. Не позаботившись об обезболивании, врач стал рыться в ране, Лида кричала от боли, и он ударил ее по лицу. Мать не выдержала этого и, забрав дочь, ушла от немца. Тогда за лечение взялась бабушка. Она вспомнила рецепты, которые когда-то узнала от знакомой травницы, стала прикладывать к ране смесь из воска, меда и каких-то трав. Это помогло, рана очистилась.

Некоторое время (до того, как город был освобожден нашими войсками) освоившие подвалы жители и оккупировавшие соседние дома немцы сосуществовали рядом. Однажды перед боем немцы, которые могли бы просто перестрелять местных жителей, стали выгонять их за город, в Михайловку. Контуженый отец Лиды, взяв с собой раненую дочь, на ломаном языке стал просить врага довести их до большой дороги и предложил кольцо с бриллиантом. В машину их посадили, но кольцо немец не взял.

С февраля 1945 года семья Лиды Богайцевой жила в своем, наполовину разбомбленном доме. На моих глазах они сумели отстроить и привести в порядок одну из комнат. Лидина мама рассказывала, что в феврале, когда стал подтаивать снег, чуть ли не вся территория их участка оказалась усыпана трупами, Богайцевы сами их вывозили.

Запомнился один из первых новогодних праздников в Сталинграде. Вокруг было тихо. Мы были одни. Сидели, разговаривали и были по-настоящему счастливы оттого что живы, что у нас есть крыша над головой.

Почему-то не работало радио, были сломаны часы. В темноте светил огонек от папиной папиросы. Мы с мамой знали, что это была его последняя папироса. В эту ночь он решил бросить курить. Мы верили, что так и будет. Потом легли спать.

Записала Людмила Дягилева